

У НЕГО БИОГРАФИЯ профессионального революционера, хотя он никогда им не был. До конца жизни не вступил ни в одну политическую партию. Часто просто не понимал, чем одна отличается от другой. А когда люди, по существу, весьма схожие в своих взглядах, начинали яростно доказывать, что их «разделяют пропасти и бездны», любил привести слова своего знакомого, нижегородского мирового судьи Савельева: «Какое, батюшка, у нас тут партии и программы? Просто одни воруют, а другие довольно тщетно стараются им в этом помешать. Вот вам наши консерваторы и либералы».

Владимир Галактионович Короленко, литератор. Рассказчик и эссеист, редактор и журналист, работавший на границе двух веков в том жанре социальной публицистики, который сегодня, в условиях, когда охватившие страну перемены сделали свободнее мысль и слово, снова привлек к себе острый интерес. Человек, у которого была в жизни цель, как будто более важная для него, чем даже реализация большого литературного дара, высоко чтимого Толстым, Чеховым, Горьким. После его смерти в ящиках письменного стола остались десятки незавершенных произведений, он не закончил и ту книгу, которую считал делом жизни, — «История моего современника».

Жертвовал не только «интимным дарованием». Во время «мултанского дела» поехал на процесс, когда тяжело заболела дочь. Отправился в далекий лесной край, чтобы защитить коренных обитателей — несчастных вотяков (так называли тогда удмуртов), обвиненных в каннибализме. При судебном разбирательстве в тот самый момент, когда потраченные им усилия грозили пойти прахом, пришло известие, что дочь умерла. Испытанное потрясение отразилось на многие годы — мучила тяжелая бессонница.

Фабула «мултанского дела». В селе Старый Мултан был найден обезглавленный труп нищего Матюнина. Кто-то навел следствие на мысль, что тот принесен в жертву их богам. В религиозном фанатизме обвинялись девять подсудимых, в укрывательстве и содействии — все село. Версия легко укладывалась в бытующее представление о нравах диких обитателей далекого захолустья, которых, сколько для них ни делай, ничем не изменить. Обречены все попытки прогрессивных преобразований. Если уж и крестьянская реформа ничего хорошего не дала... А как утверждал могущественный обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев, ее последствия сплошь негативны: исчезла надлежавшая власть. Бедный народ, сиротливо оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться на работе. И вот-вот окончательно одичает... Мултанское событие, при надлежащей трактовке, убеждало в прозрачности взгляда авторитетного лица, давая совсем свежий пример того, что и плохая стабильность лучше всевозможных новаций с неясным исходом.

Первый обвинительный приговор вынесен в 1894 году. Сенат его отменил, сочтя недозаконным факт существования у удмуртов человеческих жертвоприношений. Накануне нового рассмотрения провинциальные журналисты А. Баранов и О. Жиров обратились к Короленко, желая привлечь его к участию в деле. Он согласился. Ему 42 года. Уже написаны «Сон Макара», «Слепой музыкант», «Тени», «Павловские очерки». Он знаменит. Горький считает его своим учителем. Тем не менее, как рядовой журналист, насхлебывается в командировку. Бытует мнение, что журналисты — неудавшиеся писатели. Но вот пример, его опровергающий. Выдающийся писатель делает выбор в пользу журналистики... Шел XIX век, старая эра. В те давние времена крупнейшие литераторы еще позволяли себе снизойти до каких-то маленьких людей с подлинной фамилией и невыдуманной судьбой, отложив в сторону свои эпохальные произведения и удалиться не ради творческого уединения в ветхозаветное захолустье.

1 октября 1895 года вторично выносятся обвинительный приговор. Но хотя и первый, и второй одинаковы, между ними — существенная разница. Второе слушание получает широкую огласку. Баранов, Жиров и Короленко в три руки застенографировали процесс. Короленко побывал на месте происшествия, в Мултани. Газета «Русские ведомости» помещает отчет о процессе. Журнал «Русское богатство» публикует статьи Короленко. О деле узнала вся Россия. Не считается с этим не мог даже царь.

Из его канцелярии просят прислать материалы медицинской экспертизы. 12 ноября 1895 года писатель посещает в Петербурге Анатолия Федоровича Кони, выдающегося судебного деятеля, в то время обер-прокурора кассационного департамента. 2 декабря Сенат рассматривает новую жалобу защитника мултанцев Драгина. Заключение по делу дает Кони. Вторичная отмена обвинительного приговора возбудила недовольство в петербургских официальных сферах. Победоносцев взбешен тем, что кто-то пытается усмотреть связь между дикостью инородцев на пороге XX века и отсутствием, если таковая налицо, цивилизующего влияния российского христианского государства, более трех веков владеющего Вотским краем. Министр юстиции Муравьев выражает недоумение по поводу слишком строгого отношения Сената к

«История. Судьбы. Опыт»

НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ

ИЗВЕСТИЯ — 1988 — 29 апр.

допущенным нарушениям и намекает на отрицательную реакцию самого императора.

Таковы обстоятельства, в которых заседал третий суд, где в качестве защитника вотяков уже не в печати, а в зале суда выступает Короленко. Много лет спустя отчасти сбывается его мечта. В юности, как и Гоголь, он хотел стать юристом, как и Гоголь, убежденный в том, что неправосудие — величайшее на свете несчастье. Но пойти на юридический факультет Петербургского университета и таким образом создать «семейную династию» (его отец — неподкупный мировой судья) не осмелился, стесняясь своего происхождения, в котором чувствовался вперемежку с малороссийским сильным польский акцент.

Речь Короленко на суде потрясла всех. Доказательство: ее записи не сохранились — стенографистки, завороженные силой слов, заслушались и забыли о своих обязанностях. Но осталось во многих воспоминаниях убеждение современников: оправдательный приговор по «мултанскому делу» — заслуга Короленко. Несправедливое решение было отменено после четырех с половиной лет судебной волокиты.

Много лет спустя, в октябре 1913 года, когда Короленко уже за шестьдесят, он берется за «дело Бейлиса», едет в Киев, еще не оправившись от тяжелейшего недуга, и освещает процесс, опять же связанный с кровавым наветом на целый народ. И снова никто и ничто не может его остановить — ни гарантированные осложнения в отношениях с властями, ни угроза смерти, обещанной черной сотней каждому, кто возьмется защищать «этого еврея». И тут удается изменить сценарий, сорвать «запрограммированный приговор», который послужил бы условным знаком к началу повсеместных погромов. Короленко, в сущности, доказал, что человеческое жертвоприношение, приписываемое то одному, то другому народу, на самом деле — суть той политики, при которой человек ничего не стоит, и правосудие всегда готово пожертвовать чьей-то головой, принеся ее на алтарь угодничества, преступного стора, полицейского и прокурорского честолюбия.

Впрочем, стоит ли вспоминать сегодня об этом, о давно утонувших в туманной дали истории «мрачных небывших» или ритуальных убийствах? Стоит ли повторять, как пытались расспросить народы, часто — не без успеха? Какого труда стоило лучшим людям России хотя бы изредка предотвращать раздоры, газетке подожженный бикфордов шнур? Мы привыкли лишь в общих словах упоминать о наследии, которое получила революция («национальном вопросе»), о всех этих вековых традициях, исторических счетах, страшных исках. Привыкли говорить о старой России — тюрьма народов. Стало быть, все народы отбыли в ней свой «срок», надолго запомнив определенные нравы и традиции. Недооценивать это наследие — не понимать, что переплывать былое отношения в истинную дружбу — задача, равная разоружению. И если забывать о ней, тем более если десятилетиями проводить «фасадную политику», думая не о существе, а о видимости, — значит все ту же затягивать узлы, наращивать напластования...

12 января 1906 года Короленко помещает в газете «Полтав-

щина» открытое письмо к статскому советнику Филонову, возглавившему в Полтавской губернии карательную экспедицию. Карать ей пришлось вскоре после выхода царского манифеста 17 октября 1905 года, возвестившего о неуклонной воле царя «даровать населению незыблемые основы государственной свободы на началах действительной неприкосновенности личности».

Ясно, что в новых условиях требовалось и принципиально иное отношение к тем, кто учился говорить на новом конституционном языке, открыто изъясляя свою волю. Но когда в местечке Сорочинцы без формального разрешения, но в полном соответствии с манифестом начались собрания и речи, когда стали приниматься резолюции, требующие закрыть винные монополии, то власти решили, что закон писан не на этот случай, и «бунтовщиков» усмирять

свободы слова, которая в устах «особо ретивых ее поборников» превращается в пагубную силу, которая будоражит нездоровые страсти в душах неподготовленных сограждан. Короленко отвечал на это: «...наше время — ужасное время, когда каждое слово падает, как искра, в умы, возбужденные всем, что совершается кругом, среди грохота и шума тяжело перестраивающейся жизни. Однако следует ли из этого, что печать должна замалчивать факты беззакония, истязаний, насилия?»

Нет, не оглашение, а самые факты мучат, терзают, доводят до отчаяния, обесценивают жизнь, отравляют чуткие совести сознанием бесправия, побуждают к ужасному самопожертвованию и ужасным самосудам. И если бы еще печать замолчала, то жизнь была бы отдана всецело во власть стихийных страстей и их необузданной ярости. Тогда, среди мрачного молча-

вать правительству новобранцев. Газеты, где он появился, были немедленно закрыты, а редакторы отданы под суд. Зная о последствиях, выполнять тем не менее условия договора — на это решились далеко не все. Из толстых журналов лишь один — «Русское богатство», ответственным редактором которого был Короленко. И это при том, что сам он скептически относился к содержанию манифеста. Но, невольник чести, в вопросе о перепечатке не колебался ни минуты.

С января 1906 года по февраль 1917-го Короленко как редактор «Русского богатства» и автор статей состоял под судом по крайней мере по одиннадцати делам, что ни год, то — суд. Он знал, разумеется, каким путем можно облегчить себе жизнь, но этого пути для него не существовало: «...если издавать журнал или газету, то только для то-

Владимир Галактионович Короленко

го, чтобы стоять на том месте, где будущее встречается с прошлым. Ну, а тут больше всего и ударов».

Он знал: линия цензурного запрета непостоянна. И если держаться поодаль от опасных мест, говорить менее, чем можно, то она неизбежно продвигается вперед, сужая поле деятельности литературы. А если ходить по самому краю...

Так что же за цель вела его таким сложным путем, сквозь частую жертву и лишения? Проницательное наблюдение друзей писателя: «Короленко шутил, случалось, говорил о себе, что в политике он знает и проповедует только азбуку. Чтобы понять эту шутку, надо припомнить, что русские публицисты в наиболее существенной, наиболее действительной части своей работы давно осуждены проповедовать азбуку, простые элементарные истины гражданственности, которые до сих пор не вошли и не входят в практику русской жизни».

Наснаждать начала гражданственности в русской жизни — вдохнуть мужество в сердце бесправного человека, помочь ему разогнуться под бременем причинной несправедливости, начать осмысленную, сознательную жизнь. Трудная и опасная работа: открывать людям глаза, когда многие как будто хотели бы жить с закрытыми... Куда как нагляден привоидимый Короленко пример древнегреческого философа Сократа, обвиненного в том, что он разрушил веру афинского народа в старых богов, и приговоренного за это к смертной казни.

«С наступлением Октябрьской революции», — вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, — мне пришлось неоднократно получать официальные сведения, как управляющему делами Совета Народных Комиссаров, о том, что В. Г. Короленко весьма недобрительно относится к деятельности представителей советской власти, считает совершенно ненужным и зловерным решительную борьбу диктаторской пролетариата с эксплуататорскими классами, называя ее «кизильней жестокостью». Он доказывал, что мирная эволюция, в лоне республиканской конститу-

ции, скорее достигнет желанной цели, чем решительная, беспощадная, нередко кровавая борьба классов, которая по его мнению, только напрасно озлобляет народ. С присущей ему открытостью и бесстрашием Владимир Галактионович это свое мнение, шедшее вразрез с указаниями директивных органов партии и правительства, открыто высказывал всюду и везде, как в письмах, так и устно при разговорах и на собраниях...»

Зная об этих фактах, Ленин огорченно говорил: «Не понимает он задач нашей революции. Вот они все так называют — себя революционерами, социальными, да еще народными, а что нужно для народа, даже и не представляют. Они готовы оставить и помещика, и фабриканта, и попа — всех на старых своих местах, лишь бы была возможность поболтать о тех или иных свободах в какой угодно говорильне. А осуществить революцию на деле — на это у них не хватает пороха и никогда не хватит. Мало надежды, что Короленко поймет, что сейчас делается в России, а впрочем, надо попытаться рассказать ему все поподробней».

Примечателен вывод, который делает из сказанного Владимир Ильич: «А сочинения Владимира Галактионовича надо сейчас же переиздать в Государственном издательстве как можно дешевле: они очень полезны для чтения широкими массами».

Находясь в Полтаве летом 1920 года, Луначарский посещает Короленко. Сердечная, но лишенная драматизма встреча.

Нарком впоследствии будет много и мучительно размышлять: «Как случилось, что такая необыкновенно благородная натура, такой недоуменный ум, такое революционное сердце могли переместиться слева направо столь заметно, то есть оказаться чуть ли не в такой же резкой оппозиции по отношению к пролетарскому правительству, в какой был Короленко по отношению к правительству царскому?» И ответит: «...фарисейство этому праведнику было чуждо... Он не осуждал коммунистической революции. Он умел при всей горечи своих укоризн сохранять понимание того, что коммунисты — это великий отряд армии блага, только пошедший, по его мнению, по неправильной дороге. Но если праведничеству Короленко чуждо было фарисейство, то само праведничество, сама незапятнанность одежды включает в себя нечто, очевидно, глубоко неприемлемое для революционных эпох».

Всю жизнь Короленко тщателью и щепетильно оберегал свою независимость, отказываясь от любых почестей и наград, которые обсылали бы его к чьему-то. Почетный академик Российской академии наук, он вышел из академии, когда оттуда после высочайшего гнева императора Николая II исключили Горького, подозреваемого в сочинении и распространении антиправительственных воззваний. Короленко глубоко оскорблен не только отношением к Горькому, но и тот принцип, который стоял за «исключением». Выходило, что избрание в академики — это и оценка по поведению, признание лояльности. Он бы хотел, чтобы заслуги перед обществом, перед культурой имели самостоятельное значение.

В июле 1920 года Владимир Галактионович получает известие губисполкома: «Идя навстречу душевной потребности широчайших кругов трудящихся, снять с В. Г. Короленко заботу об условиях его жизненного существования и в целях осуществления теперь же этого постановления начать доставлять ему продукты». Но Короленко наотрез отказался, объяснил, поблагодарив за заботу: он всегда был независимым писателем и никогда не принимал ни от какой власти содержания. Он отказался и от академического пайка, предложенного ему и всей семье. Отказался в то время, когда семье было не на что жить — раздавали вещи.

На утреннем заседании IX Всероссийского съезда Советов 27 декабря 1921 года после доклада Крижановского по поводу декрета Совнаркома об электрификации страны делегаты во главе с Лениным почтили вставанием память В. Г. Короленко. В Полтаву, где двадцать лет жил он, была направлена телеграмма М. И. Калинина: «...все сознательные рабочие и крестьяне с глубокой скорбью узнали о кончине благородного друга и защитника угнетенных Владимира Короленко. Советская власть примет все меры к широчайшему распространению произведения покойного среди трудящихся республики».